

таллорезущих станков. Известны следующие методы настройки гитары: разложение на множители, способ замены часто встречающихся чисел приближенными дробями, логарифмические таблицы по способу комбинирования, способ Кнаппе, подбор чисел зубьев по таблицам М.В. Сандакова [1], подбор чисел зубьев по таблицам М.И. Петрика и В.А. Шишкова [2], подбор с помощью таблиц Левашова Н.Д., подбор с помощью таблиц Павликовского Я.Л. Среди которых таблицы М.В. Сандакова и таблицы М.И. Петрика, В.А. Шишкова отлично себя зарекомендовали как наиболее легкий и быстрый способ подбора сменных зубчатых колес. Проверим, насколько эти методы эффективны по сравнению с компьютерной программой.

Оценка точности настройки производилась для зубофрезерного станка 5Е32. Численные значения передаточных отношений выбирались в интервале от 0,05 до 1,0 из таблицы случайных чисел.

В результате сравнения, таблиц М.И. Петрика, В.А. Шишкова и подбором с помощью компьютера, в 48% полученных значений с использованием таблиц не соответствовали условиям сцепляемости. Это значит, что в данных случаях будет производиться выбор следующего ближайшего передаточного отношения, поэтому, следует ожидать существенной потери точности при обработке заготовки. Подобной ситуации в подборе на компьютере не произойдет, так как проверка условия сцепляемости заложена в алгоритме программы. Но даже если не учитывать несоблюдение условий сцепляемости, окажется, что в 55% погрешность, при подборе с помощью компьютера будет меньше, а в 40% равна табличным. Только в 5% значений, полученные с помощью компьютера, окажутся хуже

и то когда нарушены условия сцепляемости при подборе по таблице.

Используя таблицу Сандакова М.В, мы получаем дробь, которую с помощью дополнительной таблицы раскладываем на простые множители. На основании этих множителей и заданных условий сцепляемости подбираем пары сменных зубчатых колес. Задача осложняется тем, что мы ограничены стандартным набором шестерен, а, следовательно, не для всех дробей будут подобраны подходящие множители. Таких позиций в таблице оказалось 78%. В условиях реального производства нам бы пришлось искать в таблице следующую дробь и повторять разложение числителя и знаменателя на дроби с последующим выбором сменных зубчатых колес. С каждой итерацией мы будем все дальше удаляться от наилучшего значения передаточного отношения, что повлияет на качество изготавливаемой детали. Из тех вариантов, где шестерни соответствовали заданному набору, в 38% результатов таблицы оказались хуже, чем с использованием компьютерной программы, для остальных передаточных отношениях погрешности были равны.

Это исследование показывает насколько эффективно использование компьютерной программы в данной ситуации. Она не только подбирает лучшие значения в данных условиях, но и требует от инженера-наладчика меньше усилий и времени.

Список литературы

1. Таблицы для подбора шестерен: Справочник / М.В. Сандаков и др. – 6-е изд., доп. – М.: Машиностроение, 1988. – 576 с.: ил.
2. Петрик М.И., Шишков В.А. Таблицы для подбора зубчатых колес. – 3-е изд. – М.: Машиностроение, 1973. – С. 528.

«Актуальные проблемы науки и образования»,

Куба (Варадеро), 20-31 марта 2012 г.

Исторические науки

ЕВРОПЕЙСКИЕ НОВШЕСТВА В ЖЕНСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ РУССКОЙ МОДЕ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Козлова О.А.

*Институт этнологии и антропологии
имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии
наук, Москва, e-mail: koa100011@rambler.ru*

Мода, её становление и история развития неоднократно становились предметом многочисленных исследований и дискуссий по степени своего влияния на культуру того или иного социума. В данной работе вопрос изучения дворянской женской моды начала XVIII в. поставлен во главу угла, в этом случае мода явилась внешним символом изменений, произошедших в российском обществе в ходе петровских преобразований в рамках этнической, культурной и морально-этической сфер. Реформа Петра

Великого, затронувшая изменения в быту и повседневности социума, вызвала ряд проблемных вопросов, связывающих аспекты культурной и частной жизни общества того времени. Наибольшей прозападной модернизации подверглось высшее сословие, в течение небольшого промежутка времени изменившееся внешне, что представило моду как психологический аспект прогрессивного развития дворянства, в начале с трудом принимавшего, в силу патриархального воспитания, нововведения Петра I, но впоследствии освоившего их настолько, что возвращение к прежним идеалам допетровской Московии стало невозможным. Изменение внешнего облика русского дворянства по западному образцу стало выражением повышения уровня образованности и просвещённости высшего общества, тесных взаимосвязей с укладами европейских стран, считавшихся цитаделью

культуры в мире; свидетельствовало об изменении положения дворянки в обществе начала XVIII в., степени развития её социализации.

Вопрос становления дворянской моды в указанный период актуален и интересен для науки в силу своего двойственного характера. Во-первых, налицо прогрессивное культурное развитие дворян, что говорит в пользу проведения реформ в культуре и быту. Во-вторых, отсутствие значимых изменений среди простого люда, составлявшего большинство, что вызывает негативное восприятие и оценку преобразований.

Вопросу исследования эволюции моды в России в период правления Петра I и первые годы после него, посвятили свои работы многие отечественные исследователи, доказавшие взаимосвязь прозападных веяний в моде с этническими преобразованиями в обществе: Р.В. Захаржевская, Н.М. Каминская, Р.М. Кирсанова, Л. Орлова, Е.В. Политковская. Исследователи, занимавшиеся изучением церемониалов при дворе, подчеркнули значимость моды в повседневном обиходе, частной жизни и общественном восприятии дворянства, что частично предопределило развитие личности дворянской женщины в петровскую эпоху и последующее время и сферу её социализации. Значение и эволюцию моды в исследованиях проследили О.Ю. Захарова, А.В. Колесникова, М.В. Короткова.

Особо следует отметить работы Н.Л. Пушкарёвой – учёного в области гендерных исследований, подчеркнувшей, что гендер играет немаловажную роль в развитии и модернизации исторической повседневности, влияя тем самым на ход событий. Среди обширной библиографии этого учёного присутствуют работы, посвящённые исследованию русской женской моды на протяжении многих исторических эпох. Работы Н.Л. Пушкарёвой интересны ввиду соединения ею описаний женской моды в России с областью гендерных исследований, что представляет культурно-окрашенный аспект в ином колорите.

Важной составляющей в историографических вопросах изучения моды в России являются исследования по культуре в целом, рассматривающие моду как влияющую на социум часть культуры. Мода упоминается в описании церемоний, фигурирует в законодательных актах, приводится в качестве примера в воспоминаниях современников и иностранцев, косвенно упоминается при заключении актов частного характера.

4 января 1700 года в Москве под барабанный бой был объявлен указ Петра I об упразднении старомодного русского платья. К 1 декабря того же года предписывалось сменить весь гардероб мужчинам, а к 1 декабря 1701 года то же самое наказывалось их «женам и дочерям» – чтобы они с мужчинами «в платье были равные, а не разные...». С не подчинившихся приказу было велено брать пошлину, уничтожая прежнюю одежду. Наряды княгинь и боярынь приказано

было сменить на платья с корсетом и юбками до щиколоток, вместо венцов украшать головы фонтанжами и корнэтами. 30 декабря 1701 г. вышел указ, в котором не только мужчинам, но и женщинам приписывалось носить немецкое платье. Указы Петра Великого запрещали дворянам и горожанам ношение старого русского костюма и вместо него устанавливались другие формы: в частности, для дам – широкая каркасная юбка, плотно прилегающий лиф (корсаж) с глубоким декольте, парик, туфли на каблуках.

Переход к европейскому платью оказался длительным и сложным не только в деревне, но и в городах. Несмотря на угрозы и штрафы, внедрение новой одежды проходило непросто. Национальный русский костюм формировался столетиями, учитывал климатические особенности и образ жизни, был функционален и удобен. «Насмешкой и ругательством», по выражению дворянина И. Неплюева, были встречены западные моды в России. Туго перетянутые талии, непокрытая голова, глубокое декольте противоречили устоявшимся у русских понятиям о красивом и безобразном, разрешённом и запрещённом. В начале XVIII в. законодательство в моде закрепилось за Францией. Именно она диктовала идеал красоты: белая кожа, тонкая талия, высокая причёска, изящество в манерах.

Одежда дворянок – парадная, нарядная и повседневная – по силуэту походила на французский костюм конца XVII – начала XVIII века: распашное платье, юбка и корсаж, надевавшиеся поверх сорочки. Непривычным был корсет, он представлял собой сооружение с металлической планшеткой впереди, которая делала плоской и жёсткой грудную клетку и поднимала грудь вверх. Ношение корсета делало организм женщины уязвимым заболеваний, осложняло вынашивание детей. Все женские платья в России XVIII века имели обтянутые шёлком корсеты, украшенные позументами, кружевом, пуговицами и шнурами. Корсет контрастировал с юбками. Для пышности под них надевали каркасы – фижмы. Зимние юбки простёгивались вагином. Широкие юбки были уместны во Франции, при русских холодах традиционная многослойная одежда лучше обеспечивала сохранение тепла. Верхнее распашное платье дворянок – роба – переняло функции опашней и летников, характеризовавших степень знатности и богатства. Парадные робы украшались самоцветами, кружевами, лентами, золотым и серебряным шитьём.

Любовь к робе на долгие годы осталась ведущей у дворянских модниц, поскольку дочь Петра Елизавета, выросшая в той атмосфере, сохранила привязанность к ним на всю жизнь, определив каноны женской дворянской моды вплоть до своей смерти в 1761 г. Елизавета Петровна любила белые и светлые материи с затканными золотыми и серебряными цветами. Подтверждением «долголетия» робы служат описи приданого вре-

мён Елизаветы, когда знатные дворянки предпочитали носить преимущественно робу, бывшую ведущим элементом туалета. Платья шились из различных материй: шёлка, атласа, тафты, бархата, муслина, парчи и т.д. На украшения платьев, помимо вышивок, драгоценных камней и золотых и серебряных галунов, использовались кружева, привозимые из Голландии, Франции и Дании. Робы делались из одной с корсетом материи, с длинными шлейфами, расшитыми золотом, серебром, унизанными жемчугом и драгоценными камнями, обложенными богатыми кружевами и золотыми или серебряными галунами. В моду вошли драгоценные камни, в любви к которым дамы не уступали предшественницам.

Женскому костюму начала XVIII столетия были присущи величественность и торжественность, достигавшиеся пышной отделкой. Использование драгоценностей, кружев, тесьмы должно было говорить о высоком сословном статусе и наличии достатка.

Наряд считался неполным без соответствующей причёски. В рамках канона волосы собирались на затылке, завивались в локоны, укладывались в букли естественного цвета или напудренные мукой. Затылок прикрывался накладкой из кружева, сеткой из самоцветов, жемчужной розеткой, в причёску вкалывались драгоценные имитации цветов.

Модными считались длинные, напудренные локоны, причёски с высокими украшениями из кружев. Головной убор был различным, но причёски менялись часто. Выставлять волосы напоказ стало модным, причёски были разнообразными, переплетались бриллиантами и жемчугом, волосы украшали цветами, лентами, перьями, кружевами и т.д. В Московии отличить по причёске замужнюю женщину от незамужней было просто: замужние женщины, в отличие от незамужних девушек, носили кики и убрёсы, скрывавшие волосы. В пореформенном обществе замужняя женщина не прятала волосы. Бóльшее, что она могла сделать – использовать кружевной чепец или накладку из кружев и драгоценностей. При дворе Петра и его второй жены Екатерины Алексеевны дамам позволялось убирать алмазами одну сторону головы – прерогатива убирать драгоценностями обе стороны головы принадлежала венценосным особам.

В моду вошли веера из кружев, тесьмы, тафты, перьев. Веера были призваны доставлять прохладу своим владелицам, помимо эстетической, несли коммуникативную функцию: в начале XVIII века возник «язык жестов», в котором веер играл ведущую роль.

Перчатки, выполнявшие функцию защиты рук от холода, с внедрением в жизнь общества европейской моды приобрели эстетическую и этическую ценность: эстетика проявлялась в красоте женских рук, обтянутых перчатками из атласа и шёлка, этика – в новых канонах по-

ведения при дворе, не позволявших женщине подавать руку без перчатки.

Обувь женщины в России начала XVIII в. предпочитали остроносую. Туфли на высоких каблуках для балов и торжеств шили из парчи, бархата, атласа. Высокие каблуки изготавливались из кожи. Повседневная обувь изготавливалась из хорошо выделанной кожи, украшалась шёлковой вышивкой, шнуровкой, бантиками, изредка – драгоценными камнями или золотым и серебряным шитьём. В холодное время года обувь подбивалась мехом.

Меха с введением европейских новшеств в моде не утратили значения. Из них продолжали шить шубы, т.к. русские зимы пережить без тёплой одежды было невозможно, мехом подбивались плащи и мантии, шили манто для дам. Дворянство использовало меха лисицы, соболя, куницы, горностая. Последний носил привилегированный статус, им украшались наряды царственных особ в ходе торжественных церемоний.

Особое значение придавалось макияжу дворянок. Прежний внешний вид знатных женщин допетровской Московии с их «неискусным, грубым, неумелым макияжем» должен был измениться по образцу европейских дам, потому претерпел модернизацию сам эталон красоты. Красивая женщина должна была быть бледной, предпочтение отдавалось неестественному румянцу, созданному притираниями и пудрой с добавлением кармина. Бледность считалась эталоном женственности и красоты, подчёркивала происхождение и социальный статус дворянок, выражая внешнюю изнеженность. Глаза должны были быть выразительными, с длинными загнутыми ресницами – такой взгляд придавал женщине загадку, она должна была обольщать. Губы ярко красили, они должны были выделяться на лице дамы, «цвести», как цветок. В пореформенной России эталоном стали считаться ровные, белые зубы. Женщина, улыбаясь, демонстрировала прекрасную улыбку, что сказало на странных проявлениях поведения модниц – некоторые нагирали зубы ртутью, используя её как отбеливающее средство, что пагубно отражалось на их здоровье.

Особое значение получили родинки, которые стали считаться символом утончённости, кокетства и элегантности. В отсутствие их, дамы наклеивали на лицо, шею, плечи и грудь мушки – кусочки чёрного бархата, смазанные клеем. Распределение мушек на лице было продолжением «языка жестов» и по местонахождению мушки кавалеры определяли нравственные устои понравившейся женщины.

Резюмируя вышесказанное, мы можем прийти к заключению о том, что дворянская женская мода в России начала XVIII века явилась не просто символом поворота российского общества к западной культуре и образованности, но стала явлением широкой социализации личности

русской дворянки, что повлияло на этническую и социальную картину развития российского социума. XVIII век внешне отделил крестьянку, как представительницу низшего сословия, от горожанки и дворянки. Зажиточные слои города ориентировались на Запад.

Проблема состоит в настроении большинства, не вхожого в высший круг и не принявшего прозападных действий Петра I: российская деревня была настроена иронично и враждебно. Особым интересом отличается концепция «злой» и «доброй» женщины. Первая изображалась в европейском платье, вторая – в старинной русской одежде. Существование концепции объясняет процесс взаимодействия консервативных настроений и новаторских элементов в повседневной и культурной жизни российского общества.

Конфликт поколений налицо: в течение каких-нибудь двадцати лет русская женщина преобразилась внутренне и внешне. У неё появились новые увлечения, новые возможности самовыражения, сама новая жизнь. Умалить заслуг Петра Великого в этом процессе нельзя: именно он заставил Россию повернуться лицом к высокой культуре, приобщив к этому русскую женщину из высших слоёв общества, но оставив без изменения повседневность большинства населения, что нуждается в дополнительном исследовании и обязательном рассмотрении современной наукой.

МЕСЯЦЕСЛОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Корнилова И.В.

Елабужский государственный педагогический университет, Елабуга, e-mail: ivkornilova@list.ru

Малоизученность месяцесловов как вида исторических источников обусловлена во многом неправильным представлением об этом весьма специфичном источнике. Месяцеслов почти не используется современными исследователями, несмотря на то, что из него можно извлечь любопытные сведения, касающиеся повседневной жизни духовного сословия. Месяцеслов – это своего рода церковный календарь, содержащий не только перечень празднований на каждый день, но и дополненный некоторой богослужебной информацией. Месяцесловы печатались в виде книжек – ручных или настольных. После страниц со сведениями церковных дат каждого месяца следовали несколько чистых страниц, на которых владельцы месяцеслова делали собственные записи. Обладателями месяцесловов были священнослужители, использовавшие их как личные или семейные дневники, в которых фиксировались важнейшие события семейной жизни, а также отдельные сюжеты событийной палитры российской жизни.

В краеведческом отделе Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена нам удалось обнаружить два месяцеслова с ежедневными записями владельца, принадлежащих

семье и потомкам династии вятских священнослужителей Кудрявцевых – «Месяцеслов...» благочинного С.Ф. Кудрявцева (1848 г.) и «Месяцеслов...» семейства Огневых (1861 г.) [2]. Очень интересен принадлежавший благочинному С.Ф. Кудрявцеву (1815-1870) «Месяцеслов» (1848), на страницах которого, помимо сведений о семейных событиях, учебе, службе, есть записи о событиях общероссийских – о покушениях на императора Александра II, об отмене крепостного права, телесных наказаний [1, с. 46]. Интересны сообщения с фронтов русско-турецкой войны. Так, октябрьская запись целиком посвящена военным событиям: «1853 23 октября решительно объявлена от Турецкого султана война. Ноября 29 в нашей церкви о том молебны. Потому и набор рекрут был необыкновенный – 10 человек, а 1854 года февраля – разрыв сношений миролюбивых Англии и Франции. В июле опять набор» [4]. Некоторые записи посвящены метеорологическим наблюдениям – вскрытиям рек, наводнениям: «1855 г. апреля 2 (вскрылась) тронулась Кама, а 4-го вскрылась и в течении своем повсюду накидала и воздвигла огромные массы льду по берегам и мелям» [4]. Наличие в месяцесловах рецептов от болезней тоже вполне объяснимо, т.к. известно, что священники наряду с исполнением своих прямых обязанностей, активно занимались практической деятельностью, оказывая медицинскую помощь прихожанам, особенно в сельской местности. Так, июлем датирована запись о простом средстве от холеры, состоящем «из настоя на святой, некипяченой воде, корней травы, известное под названием горечевки». Далее следует описание процесса приготовления лечебного настоя и небольшая заметка о том, что этот настой давно уже славится в народной медицине как средство от боли в спине, под ложечкой, от лихорадки, от глистов и даже от чумы и водобоязни [3]. В приведенных фрагментах не уровень аргументации с нашей точки зрения представляет интерес, но сам предмет размышлений, круг интересов автора записей, т.е. все то, что могло быть предметом обсуждения или средством воздействия на прихожан. Сохранился также «Месяцеслов» В.И. Огнева (1837-1884), зятя С.Ф. Кудрявцева, фиксировавшего в нем события церковной жизни, на страницах которого сохранилась запись следующего содержания: «21 октября 1864 г. Архимандрит Неофит обругал проповедь на Казанскую, назвав вовсе несогласною со словом Божиим, не живо пробуждающую жидкими словами» или «5 июля 1866 г. скончался Архиепископ Неофит, во время объезда епархии, в слободе Невванской, Верхнетурского уезда, в доме благочинного Григория Вышегородского, в 2 часа утра» [3].

Записи в месяцесловах можно классифицировать на следующие видовые группы:

1) сведения о семейной жизни (даты жизни, учеба, служба);